

И. К. Москвина

Проблема культурных ценностей в русском литературно-философском дискурсе конца XIX – начала XX в.

В русской философии конца XIX – начала XX в. многообразие трактовок понятия «ценность» было связано с развитием философских и художественных течений Серебряного века. Объединяющим началом для различных направлений русской аксиологии было признание культуры в качестве абсолютной ценности.

Ключевые слова: культура, ценности, культурные ценности, аксиология, русская философия, Серебряный век, религиозные искания, творчество

Irina K. Moskвина

Problem of cultural values formed in Russian philosophy of late 19th – early 20th century

The problem of cultural values formed in the Russian philosophy of the late 19th – early 20th century. The variety of interpretations of the concept of «value» has been associated with the development of philosophical and artistic movements of the «Silver Age». The common thread for the different areas of Russian axiology was the recognition of culture as an absolute value.

Keywords: culture, values, cultural values, axiology, Russian philosophy, Silver Age, religious quest, creativity

Проблема ценностей является одной из центральных для гуманитарных наук. Зародившись в русле философии как ее особое направление – аксиология, она была подхвачена представителями социальных наук, а в наши дни и культурологами. Многообразие трактовок понятия «культурные ценности» обусловлено сложностью определения самих исходных понятий: «культура» и «ценность». Один из основоположников санкт-петербургской философско-культурологической школы Э. В. Соколов в дискуссии о специфике культурологи как науки высказал в свое время суждение о том, что изучение культуры не носит единого парадигмального характера, а представляет собою скорее тип дискурса, диалога¹.

В дискурсе о ценностях культуры особое место принадлежит идеям русских мыслителей Серебряного века, отразивших многообразие духовных исканий в России на рубеже XIX–XX в. Вопрос о самостоятельном значении теоретико-ценностной проблематики в отечественной философской и культурологической мысли во многом также является дискуссионным². Самобытная аксиологическая проблематика в русской философской и общественно-литературной мысли вполне оформилась к началу XX в.³ Возникнув на основе неокантианства русская аксиология приобрела самобытность и множество интерпретаций. Многообразие дискуссий вокруг трактовок и смыслов понятия «ценность» было связано не только с разнообразием философских течений, активно развивавшихся в России рубежа веков, но поддерживалось также развернувшейся в этот переломный момент российской истории идей-

ной борьбой различных художественных течений. Значительную роль в развитии философии ценностей сыграли такие философы как Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский и др. Русские литераторы, прежде всего символисты (Д. С. Мережковский, А. Белый), внесли свой существенный вклад в философское осмысление понятий «ценности культуры» и в представление о культуре как основной ценности человечества. Методологические подходы и идейные основы осмысления проблемы культурных ценностей у мыслителей Серебряного века были во многом различны – это и религиозная философия, и теория символа, и литературная критика. Зачастую они были тесно переплетены в тех или иных приоритетных сочетаниях⁴.

Во многом импульс для осмысления ценностной проблематики в России задали труды европейских мыслителей. В России 90-х гг. XIX в. большое распространение получили идеи Ницше и неокантианцев (Г. Риккерта, В. Виндельбанда), вызвавших большую дискуссию в русском обществе по проблемам ценностей. Идеи Ницше были созвучны витавшим в атмосфере рубежа веков призывам к «переоценке всех ценностей», зазвучавшим в определенной части русской интеллигенции и литераторов – «новых поэтов». Переоценке подлежало, прежде всего, «наследие отцов», бывших «властителей дум» – народников. Русской творческой интеллигенцией не отвергалась идея ответственности перед народом, но ею велся активный поиск новых идеалов. Зарождение массовой буржуазной культуры на рубеже веков также стимулировало поиск новых

путей культурного развития и новых ценностей. Системе взглядов русских литераторов и мыслителей Серебряного века были созвучны почерпнутый из ницшеанства культ индивидуализма, эстетизма и аморализма. Эстетизм и творчество провозглашались в качестве высших ценностей. Одним из первых с идеями поиска новых ценностей оснований в культуре выступил Д. С. Мережковский. Выступая против буржуазных и мещанских настроений, порождаемых западной цивилизацией, Д. С. Мережковский отделял от нее классическую западную культуру. Ядром культуры для Мережковского выступает искусство – «величайшая культурная сила истории, движущая целые поколения, целые народы по известному культурному пути. Во всех великих культурах оно выражает гений народа»⁵. В России же, как считал Д. Мережковский, не сложилось единого культурного потока, а были отдельные гении. В понижении уровня культуры, в отказе от осознания ее ценности Д. Мережковский видит признаки «упадка» не только культуры, но и общественной жизни в целом. Русская культура осталась один на один перед силой денежного варварства, растоптанная не демократической, а просто уличной толпой⁶. В системе ценностей Мережковского одно из высших мест в иерархии занимала Красота (эстетические ценности), которая была возвышена над другими представителями классической кантовской триады – Истиной и Добром. Однако данная позиция не была последовательной. Впоследствии, выступая против эстетизма, З. Гиппиус – супруга и соратник Мережковского – писала: «Мы хотели создать другие ценности, не признавали Красоту высшей и всеобъемлющей»⁷. Такой универсальной ценностью не могла быть для Мережковского наука, которая, как утверждал он, не разрешает противоречия любви и смерти. Стремление к экзистенциальным ценностям, кризис позитивизма – все это дало толчок для религиозных исканий Мережковского. В возрождении культуры на путях религиозного обновления («религии третьего завета») мыслитель видел залог возрождения России. Именно религия, но религия не отвергающая, а находящаяся в гармоническом синтезе со всем богатством мировой культуры, как считал он, станет залогом будущего Возрождения. Мережковский выступал за рождение новой культуры, в основе которой будет лежать религиозно осмысленный синтез «духа» и «плоти». Под «плотью» мыслитель подразумевал внецерковные светские ценности мировой культуры, чуждые официальному православью. Религиозную направленность в понимании ценностей у Д. Мережковского отмечал А. Белый: «Творчество для него живо, пока символы имеют религиозный смысл»⁸. Однако Мережковский

выступал против изоляционизма традиционного христианства по отношению к светской нехристианской и дохристианской языческой культуре, отвергал его аскетизм и нетерпимость к плоти.

Значительная часть литературных и литературно-критических работ писателя посвящена популяризации ценностей мировой культуры. Переводчик и пропагандист мирового культурного наследия, Мережковский способствовал формированию интереса русского общества 1890-х гг. к мировой культуре. Творчество Д. Мережковского было также хорошо известно зарубежному читателю, оно было переведено на многие европейские языки. По его книгам европейские читатели во многом составляли себе представление о русской культурной жизни 90-х гг. Д. Мережковский видел ценность русской культуры в ее включенности в общее мировое культурное наследие. В очерке «Пушкин» Мережковский вслед за Достоевским особо подчеркивает принадлежность великого русского писателя к потоку мировой культуры. «Способность Пушкина перевоплощаться, переноситься во все века и народы свидетельствует о могуществе его культурного гения. Все исторические формы жизни для него понятны и родственны, потому что он овладел, подобно Гете, первоисточниками всякой культуры»⁹. Пушкин олицетворяет собою для Мережковского не только «гений молодого народа», но и образ «вселенской культуры», будущего Ренессанса. «Пушкин первый доказал, что в глубине русского мирозерцания скрываются великие задатки будущего Возрождения – той духовной гармонии, которая для всех народов является самым редким плодом тысячелетних стремлений»¹⁰. Особый, третий, религиозно-национальный путь России будет возможен, по мнению Мережковского, если соединить «дух» и «плоть» – религию с «дарами культуры, философствования и искусства». В конечном итоге как богоскатель и социальный утопист Д. Мережковский мечтал не о религиозной реформации, а о «религиозной революции»¹¹. Предшествующая традиция либерально-общественной мысли была подвергнута им своеобразной интерпретации. В статье 1905 г. «Грядущий хам» автор предостерегал против опасности грядущего русского бунта, подстрекаемого идеологами из рядов либеральной интеллигенции, который будет бунтом против высших культурных ценностей и духовности. К сожалению, идеи мыслителя оказались пророческими. Как уже отмечалось, Д. Мережковский активно выступал против массовизации и понижения уровня культуры, которая велась им с позиций «аристократии духа», во многом навеянной идеями Ницше. Мережковский утверждал, что

пропитавшись «плебейским духом», культура деградирует, ее характеризует пошлость, расчужденность и утилитаризм. Она служит «стадному инстинкту толпы». Мережковский справедливо обличал «величайшее уродство буржуазного века – затаенный дух корысти»¹². Пошлости толпы, утилитаризму, он противопоставляет творческое горение духа яркой индивидуальности, воплощением которого является Пушкин с его изначально естественным чувством свободы личности. Несмотря на неоднозначность общественных и религиозных исканий Мережковского, его понятие культуры как воплощения ценностей, идеи свободы творчества и ценности творческой индивидуальности, представление о русской культуре как части мирового культурного процесса и ценности мирового культурного наследия не утратили своего значения и в наши дни.

Важнейшей вехой развития теории культурных ценностей в атмосфере «русского духовного ренессанса» стала философия Н. А. Бердяева, которая «буквально пронизана аксиологическим духом»¹³. Философское наследие Бердяева включает в себя идею метафизического свободного духа, ценности духовной жизни, творчества как высшей ценности личности и абсолютной ценности культуры. Рассматривая вопросы, связанные с развитием России, Н. Бердяев, так же как и Мережковский, отводит существенную роль вопросам культуры. Как и Мережковский, Бердяев выступает с пересмотром наследия предшественников – революционеров-демократов 1860-х гг. с позиций отстаивания высших абсолютных ценностей личности и культуры. Бердяев пишет о том, что культурные ценности, духовные блага, ценность людей, их внутреннее богатство были подменены в современных условиях утилитарными и политическими интересами. Политический утилитаризм губительно повлиял, с точки зрения Бердяева, на всю духовную жизнь русского общества, наметив разрыв между творчеством культуры и политическими настроениями интеллигенции. Вся культура, созданная интеллигенцией, имеет изначальный порок подчинения утилитарным политическим задачам: «Философские и художественные направления критикуются политически, а не философски и художественно, и глубокая некультурность в этой неспособности дифференцировать различные стороны жизни и культуры»¹⁴. Искусство взяло на себя функцию политической пропаганды, а не творчество ценностей.

Социальная революция, по мнению Бердяева, – это завершающая стадия, разложение и гниение, а не творчество нового. Революция изначально направлена против культуры и на разрушение ценностей. Уже в работе 1902 г. «Этическая проблема в

свете философии идеализма» Бердяевым ставится вопрос о нравственном осмыслении истории. Здесь Бердяев отдает дань Канту, называя его «творцом познавательных и моральных ценностей, которыми живет многое множество людей нашей культурной эпохи»¹⁵. Путь России рассматривался Бердяевым, подобно Мережковскому, как судьба ее культуры. Объявив идею общественного прогресса несостоятельной, мыслитель большую роль в «развенчании старых кумиров» отводил декадентам, усмотрев в них раскрепощенность творческого духа. «И наше „декадентство“ было молодым протестом, тоже „бурей и натиском“, оно с болезненным задором боролось за культуру, за свободу творчества, за утонченность переживаний, за полноту бытия»¹⁶. Существенным моментом философ считал изменение самой исходной позиции «нового сознания»: от интересов временных и преходящих необходимо было, по его мнению, обратиться к ценностям абсолютным, непреходящим, рассматривая действительность «с точки зрения вечности». Одной из таких ценностей, способных стоять в один ряд с кантовской триадой Истины, Добра и Красоты, он считал культуру, причем культуру он понимал как воплощение творческого духа, противопоставляя ее социальному и экономическому развитию общества. Но духовная культура не воспринимается как ценность, способная стать идеалом человечества, ни интеллигенцией русской, ни русской церковью, погрязшей в ограниченности и не имеющей авторитета в обществе. «Никто не относится серьезно, благоговейно к художественному творчеству, как ценности абсолютной, освобождающей и спасающей, – пишет Бердяев. – Искусство, литература, философия, красота плоти и любовь, радостный пир жизни, бьющей через край, также мало священны у радикальной и атеистической интеллигенции, как и у исторического христианства»¹⁷. Н. Бердяев призывает уважать культуру как высшую и абсолютную ценность. В своем понимании культуры как совокупности ценностей философ исходит из представления о том, что ценности в том или ином общественном и историческом контексте изменчивы и противоречивы, а иногда и спорны. Такой же характер носит и культура, которой они принадлежат. Понимание многообразия культур у Бердяева дополнено стремлением найти универсальные общечеловеческие истоки культуры. Стремление Бердяева вывести некую «идею культуры» берет свои истоки в особенностях его аксиологии. В своей работе 1911 г. «Философия свободы» он пересматривает учение неокантианцев и приходит к выводу о невозможности рационального объяснения природы ценностей: «О ценности ничего нельзя изречь словами, не может быть учения о ценности, потому что ценность должна предшествовать суждению, не зависеть от суждения, а

определять его»¹⁸. Антисциентистская направленность мышления философа заставила его обратиться к интуитивным, иррациональным формам познания мира, в том числе и к искусству, прежде всего в его символических формах. Его аксиологический подход к культуре в качестве универсальной общечеловеческой ценности предполагает неизменный религиозный принцип. Что касается собственно религиозной философии Бердяева, определившей его представления о сути творчества и культуры, то ее формы, выработанные в период «нового религиозного сознания», носили множество названий: «метафизический плюрализм», «мистический реализм» и пр. Ее специфические черты позволяют говорить о Бердяеве как о религиозном романтике. Концепция Бердяева носила выраженный антропоцентрический характер, что сделало для него центральной проблемой рассмотрение соотношения свободного человеческого духа, самобытной субстанции и Бога. В аксиологии Бердяева одно из важнейших мест принадлежит идее творчества, так как ценности, создаваемые в творческом процессе, «ценности культуры» занимают одну из высших ступеней в иерархии ценностей. Исходя из этой концепции, деятельность творческой личности становится общением человека и Бога. Будущее человечества, зори которого проблескивают в символизме и религиозных исканиях Серебряного века, связано для Бердяева с эпохой творческого сознания, преобразования действительности в зоне, антропологического откровения в духе. Вместе с тем человеческая личность уникальна, характеристикой ее подлинного бытия является свобода. Поэтому все, что ограничивает творческую свободу, горение духа – государство, наука, и даже культура, может стать препятствием на пути творческого акта. Творческая личность выступает не только как творец новой реальности – теург, но и как творец самого себя. Однако концепция культурного творчества у Бердяева носит противоречивый характер. С одной стороны, философ признает культуру как воплощение ценностей, с другой – культура выступает как объективация, угасание творческого духа в материи. Особое мессианское значение русской культуры состоит в ее высокой религиозной духовности, которую она несет миру. Как и Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев выступает с идеей мировой культуры. Философ прозорливо говорит о том, что культура выходит за рамки европейского наследия и ценностей европеизма и становится мировой. России, в силу ее особого положения и мессианского призвания, предназначена роль стать центром мировой культуры. В этом Н. А. Бердяев видел оно из воплощений русской идеи.

Таким образом, обобщая аксиологические аспекты ряда концепций мыслителей Серебряного века, следует отметить, что на ру-

беже веков в русской философской мысли утвердилось самое понятие ценностей. Культура рассматривается как воплощение ценностей, а сама культура также выступает как ценность. Впервые в отечественной философской и литературной традиции во всей полноте был поставлен вопрос о ценности мировой культуры, и русская культура стала рассматриваться как ее неотъемлемая часть. Более того, частью русской идеи стало представление о мессианстве русской культуры, призванной стать в центре мирового культурного процесса и противостоять своей духовностью бездуховности и массовизации западной цивилизации. Мыслители Серебряного века, отталкиваясь от западноевропейских философских идей в сфере аксиологии, откликнулись в своих воззрениях на те проблемы, которые испытывала русская и мировая культура в своем историческом развитии. Во многом они предвосхищали те идеи, которые не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Примечания

¹ Соколов Э. В. Возможна ли культурология как наука? // Культурология как она есть и как ей быть: междунар. чтения по теории и философии культуры. СПб.: Эйдос, 1998. Вып. 5. С. 36.

² Замалеев А. Ф. Идея ценности в русской философии // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 1997. Вып. 2, № 13. С. 33.

³ Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстет. аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 383.

⁴ Лосев А. Русская философия // XX век и мир. 1988. № 2. С. 39.

⁵ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 18. С. 178.

⁶ Там же. С. 193.

⁷ Крайний Антон (Гиппиус З.). Литературный дневник, 1899–1907. СПб., 1908. С. 330.

⁸ Белый А. Д. Мережковский. Не мир, но меч // Весы. 1909. № 3. С. 75.

⁹ Мережковский Д. С. Вечные спутники: Пушкин. 3-е изд. СПб.: М. В. Пирожков, 1906. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 119.

¹² Мережковский Д. С. Пушкин // Полн. собр. соч. СПб.: М. О. Вольф, 1913. Т. 18: Вечные спутники. С. 132.

¹³ Столович Л. Н. Указ. соч. С. 390.

¹⁴ Бердяев Н. Культура и политика // *Sub specie aeternitatis*: опыты социальные, философские и литературные, 1900–1906. СПб., 1907. С. 277.

¹⁵ Там же. С. 291.

¹⁶ Там же. С. 279.

¹⁷ Там же. С. 285.

¹⁸ Его же. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 85.